

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ

Обсуждается вопрос о формах включения чужой речи в письменный текст. Корректируется традиционно устоявшееся научное представление о прямой речи, дается развернутое описание цитации как синтаксического явления, предлагается ее классификация.

This article focuses on the problem of forms of including borrowed speech into a written text. The author corrects the established interpretation of direct speech, gives a detailed description of citation as a syntactic phenomenon, and offers its classification.

Ключевые слова: чужая речь, цитация, прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь, реминисценция.

Key words: borrowed speech, citation, direct speech, free indirect speech, indirect speech, reminiscence.

Феномен чужой речи — одна из традиционных тем синтаксического описания, со всеми вытекающими из этого следствиями. С одной стороны, за долгое время изучения феномена чужой речи накоплен

ряд ценных наблюдений, которые позволяют более или менее адекватно интерпретировать большинство фактов. С другой стороны, в научных представлениях о феномене чужой речи сохранилось много заблуждений, поддерживаемых многолетней традицией и касающихся как общих вопросов квалификации способов ввода чужой речи, так и частных заключений о характере тех или иных периферийных явлений. Поэтому в предлагаемой статье по необходимости придется совместить информацию о теоретических констатациях, сохранивших свою эвристическую ценность, и о констатациях, такую ценность утративших.

Традиционно выделяются три способа ввода чужой речи — прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь. Несколько ниже мы остановимся на недостаточности такой классификации обсуждаемого нами феномена. Сейчас же обратимся к характеристике прямой речи. Обычно констатируют, что *п р я м а я р е ч ь* точно воспроизводит чужие высказывания и сопровождается авторскими словами, которые устанавливают сам факт чужой речи и указывают, кому она принадлежит. Комментариев требуют и первый, и второй признак.

Языковые факты свидетельствуют, что вопреки мнению лингвистов прямая речь предполагает не точное воспроизведение чужого высказывания, а всего лишь имитацию буквальную передачу последнего в плане его языковой организации, поэтому прямой речи свойственна некоторая противоречивость. Бесспорно, в прямой речи сохраняются основные грамматические, лексико-фразеологические и интонационные особенности сказанного кем-то (иногда даже самим автором). Однако правила имитации других сторон чужого высказывания, оформляемого как прямая речь, в частности его содержания, оказываются, наоборот, весьма нестрогими. Автор речевого произведения может изложить соображения говорящего лишь приблизительно; может исказить его мысли до такой степени, что говорящий откажется признать сообщение своим; может приписать речь бессловесному животному (как у Н. Гоголя в знаменитом монологе коня Чубарого). В художественной литературе допустимо оформление невыраженных мыслей и чувств героя в виде высказывания, исходящего непосредственно от автора произведения. В.Н. Волошинов, впервые отметивший это явление, назвал его замещенной прямой речью и раскрыл на примере фрагмента из «Кавказского пленника» А. Пушкина:

Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Комментируя этот фрагмент, В.Н. Волошинов отмечает, что «автор предстает своему герою, говорит за него то, что он мог бы или должен был бы сказать, что приличествует данному положению. Пушкин за казака прощается с его родиной (чего сам казак, естественно, сделать не может)» [2, с. 356].

И наконец, небуквальное воспроизведение содержания чужого высказывания в прямой речи достигает максимума, когда последняя оформляется как «неразвернутая чужая речь» [3, с. 35], предполагающая значительные пропуски отдельных содержательных деталей, которые оцениваются как неактуальные, не вызывающие интереса, отвлекающие от главного и т.д. «Сигналами» сокращения повествования выступают указательные местоимения, часто сопровождаемые постпозитивной частицей *то*: *то-то* и *то-то*, *туда-то* и *туда-то*, словесные группы *так* и *так*, *то* да *сё*, *пятое-десятое*. Доктор говорил: *то-то* и *то-то* указывает, что у вас внутри *то-то* и *то-то*, но если это не подтвердится по исследованиям *того-то* и *того-то*, то у вас надо предположить *то-то* и *то-то* (Л. Толстой); *Капитанова невеста жить решила вместе*. // Прикатила, говорит: – Милый! То да се... (В. Высоцкий). Положение замещенной и неразвернутой чужой речи до сих пор остается не до конца осмысленным, о чем свидетельствует отсутствие в письменном тексте кавычек, хотя неразвернутый характер могут носить и прямая, и косвенная, и несобственно-прямая речь.

Что же касается второго компонента конструкций с прямой речью – слов автора, – они описаны в существующей научной литературе довольно полно. Однако сплошь и рядом не учитывается то, что прямая речь позволяет редуцию глаголов говорения, мысли, восприятия, которые как бы субституируются глаголами и глагольными сочетаниями, обозначающими всякого рода сопутствующие речевому акту психические и физические реакции говорящего (*обидеться*, *крикнуть*, *удивиться*, *улыбнуться*, *подмигнуть*, *поморщиться*, *всхлипнуть*, *пожать плечами*, *поднять брови* и т.д.): «Куда же вы?» – ужаснулся Старцев (А. Чехов); «Куда ты?» – всполошилась Василиса Ионовна (К. Паустовский); «Ну, это поправимо», – улыбнулся он (В. Набоков). Более того, в ряде случаев возможна полная редуция слов автора. Особенно наглядно она проявляется в диалогах, как, скажем, в «Записках охотника» И. Тургенева.

Косвенная речь – способ передачи чужой речи, предполагающий пересказ последней автором речевого произведения, в которое она включена. В процессе этого пересказа нивелируются особенности речевой манеры говорящего (становятся невозможными всякого рода экспрессивные частицы, междометия, просторечные слова и выражения, исключаются обращения и эмоциональные оценки сообщаемого) и – самое важное – формы лица переводятся на «систему координат» автора. Слова автора и чужое (пересказываемое) сообщение не противопоставляются в косвенной речи в той степени, как это имеет место в прямой речи. Наоборот: они слиты здесь воедино и образуют в совокупности сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным.

Косвенная речь как способ передачи чужой речи сформировалась в русском языке относительно поздно. Даже в XII – XIV вв. она оставалась тождественной прямой речи и отличалась от последней лишь тем, что в ней после слов автора использовался союз *яко*. Ср. сообщение Новгородской I летописи (Синодальный список) под 1165 г.: *И присла вь Новгород яко не хою у вась княжити*. И только в последнем столетии косвенная речь принимает вид, близкий к современному. Следы этого сложного процесса диалекты и просторечия сохраняют едва ли не до сих

пор, мимо чего, конечно, не могла пройти русская классическая литература: *Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть* (Н. Гоголь). Что же касается литературных текстов, они крайне редко оперируют конструкциями с полупрямой речью.

Косвенная речь обследована в русистике настолько полно, что в концептуальном пространстве, окружающем это явление, почти не осталось «темных» мест. Единственное исключение — это конструкции, в которых чужая речь оформлена как член предложения: *Он посоветовал мне поехать туда; В штабе ему приказали взять с собой побольше продуктов*. В лингвистической традиции эти случаи в качестве косвенной речи не рассматриваются, но обоснование такого решения практически отсутствует.

34

Не менее полно в синтаксических работах описана и *несобственно-прямая* (несобственно-авторская) речь. Она представляет собой способ передачи чужой речи, предполагающий контаминацию особенностей косвенной и прямой речи. С точки зрения общего характера языкового оформления это, безусловно, косвенная речь, о чем свидетельствует употребление форм лица с позиции автора речевого произведения, в которое включена несобственно-прямая речь. В то же время этот способ вкрапления «чужого» в «свое» допускает, подобно прямой речи, свободное использование экспрессивных частиц, междометий, модальных слов, реализацию прямых вопросов, обращений.

А. Пушкин был, кажется, первым в нашей литературе, кто в полной мере осознал огромные выразительные возможности несобственно-прямой речи, способной преодолевать крайности и косвенной речи, обеспечивающей сухой и однообразный пересказ «чужого», и прямой речи, исключающей возможность авторских оценок сообщаемого. Ср. в этом отношении хорошо известный отрывок из «Полтавы»:

Мазепа в горести притворной
К царю возносит глас покорный.
И знает Бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной,
Его щедротою безмерной
осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять былую славу?
<...>
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра! Кочубей!
Так долго быв его друзьями!

Цитация, четвертый способ передачи чужой речи, наоборот, либо совсем не упоминается в синтаксических исследованиях, либо отождествляется с прямой речью, хотя цитация существует в трех вариантах, различающихся и характером воспроизводимой информации, и особенностями графического оформления последней.

Первый (наиболее типичный) вариант цитации, с одной стороны, напоминает прямую речь («чужое» заключается в кавычки, после пре-

позитивных слов автора ставится двоеточие), а с другой — отличается от нее (цитируемый фрагмент «чужого» может быть равен предложению, а может составлять лишь часть его; обыкновенно — особенно в научной литературе — предполагается указание на источник). В.И. Вернадский по этому поводу замечает: «Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества» [1, с. 50].

Второй вариант цитации по преимуществу реализуется при передаче незначительных по объему фрагментов чужого текста — слов и словосочетаний, вкрапляемых в авторское повествование. Ср. описание И. Буниным старости в «Антоновских яблоках»: *На голове ее «рога», — косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками... безрукавка — плисовая, занавеска длинная, а понева — черно-лиловая с полосками кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом».* Как видно из приведенного примера, вкрапляемые элементы могут заключаться в кавычки, но это не общее правило. В отдельных случаях «чужое» узнается благодаря его явному несоответствию речевой манере автора, как это имеет место в повести В. Пановой «Серёжа», где авторская констатация: *Быть жадной-говядиной очень стыдно; Серёжа молча слез и отошел* — содержит в своем составе выражение *жадина-говядина*, явно относящееся к лексикону ребенка. Этот вариант цитации в несколько преобразованном виде, начиная с А. Чехова, охотно используют русские писатели в качестве особого художественного приема, позволяющего сосредоточивать на небольшом текстовом пространстве сразу несколько голосов. Так, в следующем отрывке из В. Катаева явственно звучат голоса повествователя, мальчика Пети и взрослых, пугающих ребенка разными неблизкими: *Павлик с беспокойством увидел во рту женщины папироску. Ребенка охватил ужас... Ведь было решительно всем известно, что шарманщики заманивают маленьких детей, крадут их, выламывают руки и ноги, а потом продают в балаганы акробатов. О, как он мог забыть об этом! Это было так же общеизвестно, как то, что конфетами фабрики «Бр. Крахмальниковы» можно отравиться или что мороженщики делают мороженое из молока, в котором купали больных. Сомнения нет. Только цыганки и другие воровки детей курят папиросы...*

И наконец, на самой периферии цитации находится ее третий вариант. Это всякого рода текстовые реминисценции, принимающие очень часто (хотя и не всегда) вид преобразованных (формально или только содержательно) цитат из каких-то известных коммуникантам текстов, называемых *прецедентными*. В нашей литературе к текстовым реминисценциям одним из первых обратился А. Пушкин. Например, его известное выражение *Брожу над морем. Жду погоды*, по свидетельству В. Набокова, является формально точным воспроизведением французского (и отчасти английского) поэтического штампа XVIII в. Однако в содержательном отношении между ними существует огромная разница. Если во французском и английском языках соответствующее выражение просто указывает на ожидание благоприятной погоды (например, попутного ветра), то у А. Пушкина оно, будучи скоррелировано с фразеологизмом *ждать у моря погоды*, развивает прямо противоположный смысл и означает «брожу над морем бесцельно, без всякой надежды на изменение сложившихся обстоя-

тельств». После А. Пушкина текстовые реминисценции стали привычным явлением в русской литературе, хотя степень активности их использования не всегда оставалась одинаковой: она, например, достигла максимума в начале XX столетия в творчестве поэтов Серебряного века, произведения которых содержали многочисленные отсылки к фольклорным текстам. В настоящее время текстовые реминисценции как бы переживают второе рождение, но уже в принципиально иной сфере — в сфере публицистической речи. Сейчас трудно обнаружить номер газеты, в заголовке или тексте которой не обыгрывались бы названия хорошо известных произведений или кинофильмов, пословицы, поговорки и т.д. Более того, текстовые реминисценции широко используются в названиях дамских иронических детективов, ср.: *Закон сохранения вранья (энергии)*; *Чудеса в кастрюльке (в решете)*; *Дантисты (богатые) тоже плачут*; *Хождение под мухой (по мукам)*.

Такого рода «демократизация» текстовых реминисценций нередко оказывается сопряженной с определенными издержками. Например, только что упомянутые названия детективов сплошь и рядом не отражают содержания последних. Иногда случается и так, что пишущий включает в свой текст понравившееся ему выражение, совершенно не заботясь о том, в каком именно прецедентном тексте оно было обнаружено, и это ведет к возникновению нежелательных ассоциаций. Так, А. Коржаков, озаглавивший свою книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката», явно не учел бывшего у всех на слуху названия популярного фильма «От заката до рассвета». А автор надписи «От рассвета до заката», красующейся на бортах мусороуборочных автомашин в некоторых городах России, в свою очередь, не принял во внимание ни то, ни другое название.

Поскольку цитация оказывается неоднородным явлением, некоторые исследователи предпринимают попытки терминологически развести ее варианты (предлагается, например, разграничивать п р я м у ю ц и т а ц и ю, предполагающую дословное воспроизведение чужого текста или его части, и к в а з и ц и т а ц и ю, при которой чужой текст воспроизводится в умышленно измененном виде). Наверное, этот шаг можно признать вполне корректным, потому что квазичитация к способам передачи чужой речи в письменном тексте не имеет отношения.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
2. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.
3. Отин Е. С. Избранные работы. Донецк, 1997.

Об авторе

Анатолий Михайлович Ломов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: kafrus213@mail.ru

About author

Prof. Anatoly Lomov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: kafrus213@mail.ru